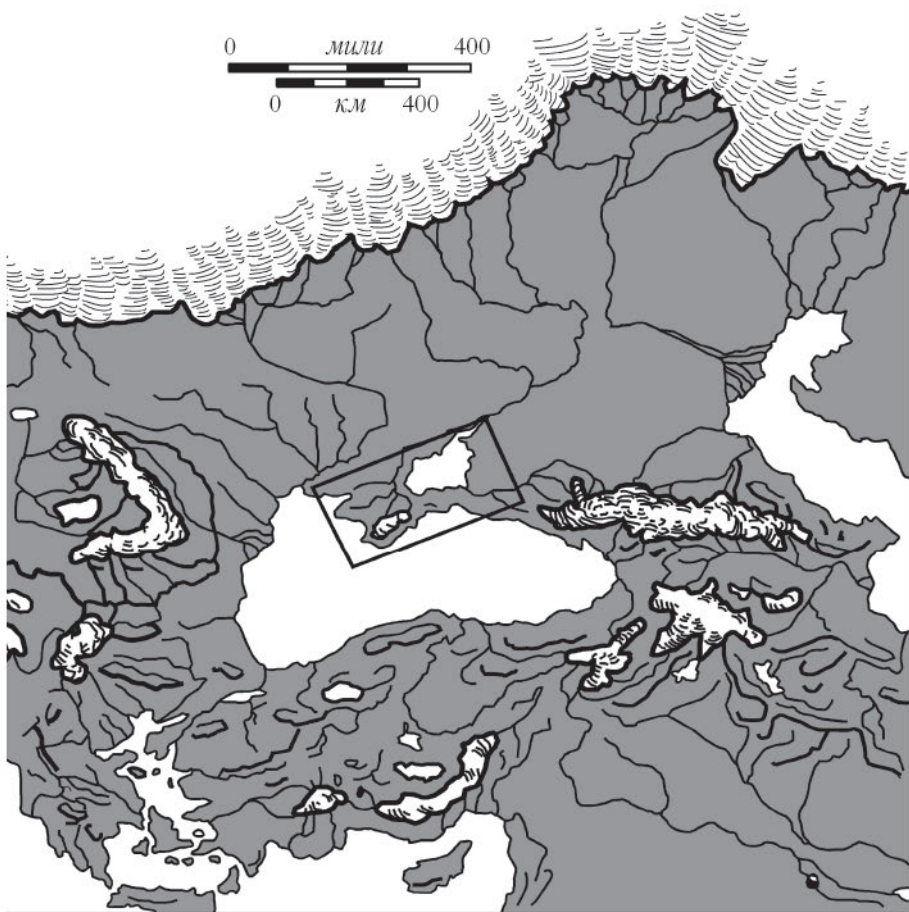

Дети Земли

ДОИСТОРИЧЕСКАЯ ЕВРОПА ЛЕДНИКОВОГО ПЕРИОДА

Границы вечных льдов и очертания береговых линий
на протяжении 10 000 лет интерстадиального потепления
во время вюрмского оледенения эпохи позднего
плейстоцена (35 000–25 000 лет до н. э.)

ГЛАВА 1

Из-под навеса, огороженного шкурами животных, выскочила обнаженная девочка и побежала к скалистому берегу речки. Ничто не подсказало ей оглянуться. В ее жизни еще не было повода усомниться в надежности своего жилища и в том, что все будет по-прежнему, когда она вернется.

Она была уже в воде, когда камни и песок вдруг вздыбились под ногами и берег резко откололся. Холодная вода накрыла малышку с головой, но та вскоре выплыла и уверенно погребла к противоположному, почти отвесному берегу. Плавать она научилась раньше, чем ходить, и в свои пять лет без труда держалась на воде: обычно именно так приходилось перебираться через реку.

Немного порезвившись в воде, девочка предалась ее течению. Когда река заметно расширилась и забурилась, разбиваясь о подводные камни, маленькая купальщица встала на ноги и побрела к берегу, где принялась собирать в кучку красивые камешки. Едва завершив свое строение, она вдруг почувствовала, что земля дрожит. Верхний камень сам по себе покатился вниз, и девочка в изумлении вытаращила глаза на трясущуюся и рассыпающуюся пирамидку. Лишь тогда она поняла, что дрожит и сама, но это ее скорее озадачило, нежели встревожило. Оглядываясь в недоумении, она никак не могла взять в толк: что происходит с ее вселенной? Ведь земле не положено двигаться.

Через несколько мгновений каменистое дно сместилось поперек течения, взбаламутив воду, и речная гладь покрылась беспокойными волнами, которые заплескались по берегам. В верховье реки, словно взволнованный некой подземной силой, затрепетал кустарник. В нижнем течении как-то по-странному закачались валуны, а окаймлявшие речку величавые сосны из-

рядно покосились. Гигантская сосна с обнаженными после весеннего половодья корнями, что росла у самой воды, с громким треском рухнула на другой берег и затряслась на дрожащей земле.

От этого звука девочка вздрогнула. Внутри ее будто что-то перевернулось, и впервые в каком-то уголке сознания она ощутила страх. Она попыталась встать, но не удержалась на ногах и упала назад. Вновь поднялась, на этот раз сумела устоять, но не решилась двинуться с места.

Едва она сделала шаг в сторону своего жилища, как тихий рокот сменился грозным ревом. Из разверзшейся перед ней земли пахнуло гнилью и сыростью — так поутру смердят глубокие трещины в почве. Планета, расплавленная под холодной оболочкой, продолжала сотрясаться в конвульсиях, а пропасть становилась все больше и больше, заглатывая в себя комья грязи и камни. Зрелище это повергло ребенка в смятение.

Вскоре навес оказался на краю бездны. Почва под ним отделилась, легкие распорки неуверенно покачнулись, развалились и вместе со всем содержимым исчезли в глубокой дыре. При виде того, как жадная пропасть поглощает все, что для пятилетнего ребенка было нерушимо и значимо, девочку охватил дикий ужас.

— Мама! Ма-а-а-ма-а-а! — закричала малышка, осознав случившееся.

И не знала она, услышала ль в ответ чей-то возглас или это был ее собственный голос, однако и его заглушил грохот рушившейся скалы. Девочка поползла к краю пропасти, но оставшая твердь откинула ее назад. В надежде найти хоть какую-то опору она что было силы вцепилась в дрожащую вспученную землю.

Наконец страшная пасть захлопнулась, грохот прекратился и все успокоилось. Все, кроме девочки. Уткнувшись лицом в сырую землю, которая только что сотрясалась в припадке, бедняжка вся дрожала от страха. На это у нее была причина.

Она осталась одна во всем мире, одна среди дикой природы. С севера надвигался ледник, навевающий лютый холод. Повсюду в поисках добычи рыскали хищные звери, людей же в степях можно было пересчитать по пальцам.

Земля вновь дрогнула, как бы переваривая заглоченную пищу. В ужасе девочка вскочила на ноги, боясь опять увидеть страшную пасть. Взглянула туда, где был навес, но на его месте валялись лишь комья сырой земли и выкорчеванный кустарник. Со слезами она бросилась к речке и долго плакала, сидя у мутной воды.

Однако сырые берега не в силах были укрыть ее от разбушевавшейся стихии. Последовал еще один толчок, на этот раз более мощный. Волна окатила ребенка и заставила вновь вскочить на ноги. Но где найти спасение, куда бежать от этой ненасытной безумной земли?

Поблизости на скалистом берегу не было ни травинки, но в верховье речки зеленел молодой листвою густой кустарник. Инстинкт подсказывал девочке держаться воды, но преграждавшие путь заросли ежевики казались непроходимыми. Тогда она перевела взгляд в противоположную сторону, где темнел хвойный лес.

Следов землетрясения там почти не было видно, если не считать множества накренившихся деревьев. Некоторые из них упали, иные же как бы слегка привалились к соседним. Северный лес казался девочке столь же негостеприимным, как и ежевичный кустарник. Она не знала, куда идти, и в нерешительности глядела то в одну сторону, то в другую.

Ощувтив толчки под ногами, малышка поняла, что пора двигаться. Напоследок она с тоской взглянула на опустевший ландшафт, все еще наивно надеясь увидеть на прежнем месте родной навес, но чуда не свершилось, и девочка побежала к лесу.

Подземное брожение еще долго сопровождало ее. Она бежала от этого кошмара, останавливаясь только затем, чтобы попить воды. Выкорчеванные стихией деревья выставили облепленные грязью и камнями корни на всеобщее обозрение, обнажив насиженные места, которые то и дело приходилось обходить.

Ближе к вечеру бурелом на пути стал попадаться все реже и реже, а вода в реке очистилась. Когда совсем стемнело, так что дорогу было невозможно различить, вконец изможденная малышка рухнула наземь. Погрузившись в ковер из опавших

хвойных иголок и дрожа от ночной прохлады, она свернулась клубочком, пытаясь уснуть.

Однако, несмотря на усталость, сон к ней не шел. В борьбе с трудностями, которые ей весь день приходилось преодолевать, бедняжка не ощущала ни страха, ни холода. Теперь же они овладели ею целиком. Боясь шевельнуться и даже вздохнуть, она во все глаза таращилась в сгущающуюся тьму.

Никогда прежде ей не приходилось оставаться ночью одной. При встрече с мрачной неизвестностью племя всегда выручал огонь. Но к прошлому возврата не было. Не в силах справиться с щемящей болью малышка расплакалась. Вскоре слезы принесли ей утешение, и ее сморил сон. Какой-то ночной зверек обнюхал спящую девочку, но та этого даже не почувствовала.

Проснулась она от собственного крика.

Земля все еще содрогалась, отдаленный рокот ее глубин вернул ребенка к жуткой реальности. Малышка вздрогнула, хотела было бежать, но с открытыми глазами видно было не больше, чем с закрытыми. Бедняжка не сразу вспомнила, где находится. Сердечко ее сильно забилося: почему ничего не видно? Где те любящие руки, которые всегда успокаивали ее, когда она просыпалась ночью? Постепенно к ней пришло осознание случившегося, и, трепеща от страха и холода, она вновь зарылась в игольчатую постель. Рассвет застал ее в глубоком сне.

Девочка проснулась, когда утро было уже в разгаре, солнечные лучи едва просачивались сквозь густую хвою. Накануне с наступлением сумерек она ненароком отошла от реки далеко в сторону, а поутру, обнаружив себя в лесу, испугалась.

Жажда заставила ее искать воду, и отдаленное журчание вскоре привело ее к речке. Однако и здесь девочку не покидало то же ощущение потерянности, что и в лесу, но, двигаясь вдоль реки, она, по крайней мере, хоть куда-то направлялась, к тому же в любой момент можно было напиться. Если накануне малышка обошлась водой, то теперь ее одолевал голод.

Она знала, что люди едят какую-то зелень и коренья, но не умела отличить съедобные растения от несъедобных. Первый лист, который она рискнула отведать, оказался горьким и больно обжег ей язык. Девчужка тотчас выплюнула растение и, дабы избавиться от неприятного вкуса, прополоскала рот, однако

сделать вторую попытку не решилась. Попила еще воды, чтобы приглушить голод, и пустилась дальше в путь. Дремучий лес вселял в нее ужас, и она старалась не удаляться от реки, где ярко светило солнце. Когда стемнело, она вырыла в игольчатой подстилке ямку и, свернувшись, устроилась в ней.

Вторая ночь прошла не лучше первой. Бедняжку всю колотило от холода, а в животе бурчало от голода. Никогда еще ей не было так жутко, так голодно, так одиноко. Пытаясь избавиться от горького чувства потерянности, она гнала воспоминания о прошлом из головы, как, впрочем, и всякие мысли о будущем, от которых едва не впадала в отчаяние. Что толку думать о том, что с ней будет и кто позаботится о ней?

Малышка жила одним мгновением, преодолевая очередное препятствие — речной приток или поваленное дерево. Следовать реке стало для нее самоцелью: не то чтобы это могло куда-то привести, но это давало хоть какое-то направление, какой-то смысл ее движению. А значит, было лучше, чем совсем ничего.

Постепенно голод стал брать свое, заглушая все мысли. Девчушка то и дело принималась плакать, и слезы торили белые бороздки на грязном лице. Ее обнаженное тельце сплошь покрылось коркой засохшей грязи, а белокурые волосы, красивые и блестящие, как шелк, спутавшись с хвойными иглами, прутьями и землей, жалко облепили голову.

По мере того как вечнозеленый лес переходил в лиственный, сменялась и почва: под ногами девочки игольчатый ковер уступал место труднопроходимому кустарнику, перемежавшемуся густой травой. От дождя девочка укрывалась под грудой поваленных деревьев, под валуном или выступом скалы, а однажды просто продолжала шлепать по грязи, подставляя пыльное тело под струйки дождя. На ночь она зарывалась в кучу прошлогодних листьев.

Поскольку недостатка в воде не было, обезвоживание, которое могло бы способствовать переохлаждению обнаженного тела, девочке не грозило, и все же силы у нее были на исходе. Голода она уже не ощущала, но время от времени у нее появлялось легкое головокружение, а тупая боль в животе не отступала ни на миг. Но она старалась об этом не думать, не думать ни о чем, кроме реки, просто идти вдоль нее, и все.

Малышка проснулась с первыми солнечными лучами, прокрапившимися в ее уютное гнездышко, согретое за ночь. Встала и пошла к реке, чтобы напиться. После дождя ей улыбалось яркое солнце и ясное небо. Через несколько шагов она обнаружила, что берег постепенно забирает вверх. И когда она собралась напиться, то оказалось, что от реки ее отделяет отвесный обрыв. Она начала осторожно спускаться, но, не удержавшись на ногах, кубарем скатилась вниз.

Угодив в кучу грязи у самой воды, слишком усталая, слишком ослабшая и слишком несчастная, она была не в силах пошевелиться. Слезы градом хлынули у нее из глаз, и воздух сотрясли отчаянные вопли. Но их никто не услышал. Плач ее был мольбой о помощи. Но на него никто не откликнулся. Она не хотела вставать, не хотела идти дальше, но что еще ей оставалось делать? Не сидеть же в грязи и плакать?

Успокоившись, она растянулась у воды. Ощувив, что в бок ей впился какой-то корень, а в рот попала земля, она встала и вошла в реку, чтобы напиться, после чего продолжила свой путь, то неистово разгребая ветви кустарника, то ползком пробираясь по заросшим мхом стволам, то рьяно шлепая по воде.

Речка, обогащенная весенним половодьем и притоками, вскоре стала вдвое шире и глубже. Издалека доносился грозный рев, и лишь спустя некоторое время показался огромный водопад, образованный очередным притоком. За ним начинались пороги, и изрядно пополнившееся речное течение становилось бурлящим и быстрым.

Издавая оглушительный шум, вода белой стеной срывалась с высокого берега вниз в пенящийся, выдолбленный падающим потоком бассейн в скале и дальше сливалась с рекой, образуя водовороты и облако водяной пыли. Немногим раньше река, вдоль которой шла девочка, подточила отвесный скалистый берег. В месте, где его пересекал водопад, берег выступал над обрывом, образуя с внутренней стороны водного занавеса воздушный коридор.

Приблизившись, девочка осторожно заглянула внутрь влажного туннеля, после чего ступила за водную завесу. Вода падала, падала, падала, так что у бедняжки закружилась голова, и, чтобы

не упасть самой, она вцепилась в мокрую скалу. С диким роком обезумевшая стихия неслась вниз, шумно разбиваясь о скалистую стену. Ужас охватил девочку, когда она посмотрела вверх. Медленно малышка поползла вперед.

Она прошла почти весь туннель, когда обнаружила, что, постепенно сужаясь, он вновь превращается в отвесную стену. Проход на этом заканчивался, и ей ничего не оставалось, как вернуться обратно. Девочка остановилась у входа в коридор и посмотрела на срывающийся с отвесной скалы водный поток. Другого пути не было.

Вода в реке оказалась холодной, а течение сильным. Доплыв до середины, девочка, отдавшись воле течения, благополучно миновала водопад и свернула к берегу. Плавание утомило ее, но зато она стала чище, правда ее спутанным волосам было мало проку от купания. Продолжила она свой путь немного бодрее, но ненадолго.

Для ранней весны день выдался необычайно теплым. На смелу лесу и кустарнику пришли обширные прерии. Поначалу солнце радовало малышку своим теплом. Когда же раскаленный шар поднялся выше, его жгучие лучи изрядно поубавили у нее сил. К полудню она уже едва волочила ноги по песчаной тропинке вдоль крутого берега. Вода искрилась, переливаясь солнечными бликами, и в придачу бедняжку обдавал жаром и слепил ярким светом почти белый береговой песчаник.

Впереди на другом берегу реки простирался едва пробившийся сквозь землю травяной ковер, усеянный белыми, желтыми и фиолетовыми цветочками. Но девочку несколько не радовали прелести распускавшейся природы. Голод и слабость довели ее до исступления. У нее появились видения.

— Я же сказала, что буду осторожна, мама. И всего лишь немного поплавала, а ты куда-то ушла? — бормотала она. — Мамочка, когда мы будем есть? Мне так жарко и хочется есть. Почему ты не шла, когда я тебя звала? Я звала и звала, а ты все не шла. Где ты? Мамочка? Мама! Не уходи! Останься! Мама, подожди меня! Не бросай меня!

Она ринулась за исчезающим видением вдоль обрывистого берега, который все больше удалялся от реки. И слепо гналась

за ним, пока, споткнувшись, не упала. Ушиб на нее подействовал отрезвляюще. Она потеряла палец и постаралась собраться с мыслями.

Стена выветрившегося песчаника была покрыта трещинами и пещерками. От резкого перепада температур сухая порода крошилась. Девочка взглянула в небольшое отверстие у самой земли, однако оно ее не заинтересовало.

Гораздо большее впечатление произвело стадо зубров, пасущихся в пышной молодой траве речной долины. Пока малышка гналась за видением, она не заметила этих буро-рыжих зверей в шесть футов высотой с огромными изогнутыми рогами. Едва она их увидела, как пелена тотчас слетела с ее затуманенного рассудка и ее обуял ужас. Она прижалась спиной к скале, не сводя взгляда с дородного зверя, который, в свою очередь, уставился на нее. Недолго думая она развернулась и бросилась от него прочь.

Бросив мимолетный взгляд через плечо, девочка заметила что-то странное и остановилась. Огромная львица, вдвое крупнее любого из своих сородичей, населивших южные земли много веков спустя, подкрадывалась к стаду диких быков. Когда хищница одним прыжком настигла жертву, малышка невольно взвизгнула.

Пустив в ход алчные клыки и когти, львица в мгновение ока прижала зубра к земле. Тот издал истошный крик, который тотчас пресекся, едва гигантская кошка, щелкнув челюстями, перегрызла жертве глотку. Хлынувшая кровь обагрила львице морду, забрызгав рыжую шерсть. Когда хищница, вскрыв жертве брюхо, оторвала кусок теплого красного мяса, ноги зубра еще дергались в последних конвульсиях.

Девочка остолбенела от страха. Увидев, что за ней наблюдает другой представитель диких кошек, малышка в диком ужасе бросилась бежать. Она попала на территорию пещерных львов. Обычно гигантские львы предпочитали утолять голод здоровенным зубром, крупным оленем или приличной по размерам лошадью, но никогда не снисходили до такой мелюзги, как пятилетний ребенок. Но на сей раз дело обстояло иначе: девочка чересчур близко подошла к пещере, где хныкали два новорожденных львиных детеныша.

Пока львица расправлялась с жертвой, оставленный охранять малышкой косматый лев предупредительно взревел. Девочка вздернула голову вверх: на краю пропасти гигантский хищник готовился к прыжку. Охваченная еще большим страхом, она вскрикнула, поскользнулась, упала, поцарапала ногу о валявшийся камень и, развернувшись на четвереньках, понеслась изо всех сил в сторону, откуда пришла.

Пещерный лев лениво спрыгнул вниз — ему не составляло труда настичь маленькую нарушительницу, осмелившуюся приблизиться к их святыне. Двигался он не торопясь, словно был настроен поиграть с ней в кошки-мышки, — куда ей было сравниться с ним?

Повинуясь инстинкту, малышка направилась к маленькому отверстию, видневшемуся в скале у самой земли. Жадно глотая воздух, она проскользнула внутрь пещерки, которая для нее оказалась достаточно велика. На самом деле это была довольно маленькая пещера, скорее обычная расщелина. Малышка поерзала, стоя на четвереньках, пока спиной не уперлась в стену, готовая в нее врасти.

Взбешенный неожиданной неудачей, лев взревел и принялся лапой выковыривать из норы свою жертву. Девочку заколотило от страха, и она оцепенело уставилась на страшные когти. Когда львиная лапа приблизилась к ней и глубоко полоснула по бедру, оставив четыре параллельных кровавых следа, она беспомощно взвизгнула.

Стараясь увернуться от льва, девчужка нащупала небольшое углубление слева и, затаив дыхание, забилась туда. Вскоре в отверстии вновь показалась когтистая лапа, едва не закрыв собой весь проникающий внутрь свет, но на этот раз лев остался ни с чем. Еще долго дикий зверь с ревом ходил взад-вперед у самой пещерки.

Девочка провела там весь день, ночь и большую часть следующего дня. Нога у нее опухла, боль в ране не утихала. В укрытии было так тесно, что невозможно было ни вытянуться, ни повернуться. Она то и дело впадала в бред от боли и голода, ей снились кошмары: землетрясение, львиные когти и она, потерянная и умирающая от страха. Но не раны, не голод, даже не

болезненный солнечный ожог в конечном счете заставили ее покинуть укрытие. Ее погнала жажда.

С опаской бедняжка выглянула наружу. Неподвластные ветрам редкие вербы и сосны, выстроившиеся вдоль реки, бросали на землю длинные вечерние тени. Собираясь с мужеством, она долго смотрела на тропинку и блестящую за ней полосу воды. Облизнула пересохшим языком потрескавшиеся губы и еще раз внимательно оглядела местность. Слышался лишь шелест травы. Льва поблизости уже не было. Львица-мать, встревоженная появлением незнакомого запаха у пещеры с малышами, решила подыскать более надежное место.

Девочка выкарабкалась из укрытия и выпрямилась во весь рост. В голове у нее стучало, перед глазами прыгали темные пятна. Каждый шаг отзывался болью, из раны на опухшей ноге сочился желто-зеленый гной.

Казалось, она не сможет добраться до воды, но жажда взяла свое. Малышка упала на колени и последние несколько футов преодолела ползком, после чего, лежа на животе, принялась жадно пригоршнями хлебать холодную воду. Утолив жажду, она вновь попыталась встать, но силы окончательно ей изменили. Перед глазами все потемнело и поплыло, голова закружилась, и девочка упала наземь.

Вскоре над неподвижным телом, приглядываясь к очередной добыче, закружил стервятник.

ГЛАВА 2

Племя переправилось через реку сразу за водопадом, там, где она расширялась и пенилась, разбиваясь о камни, выступавшие на мелководье. Вместе со стариками и детьми их было двадцать человек. Землетрясение разрушило их пещеру и унесло жизни шестерых соплеменников. Впереди шли двое мужчин, на некотором расстоянии от них — женщины и дети, которых с обеих сторон сопровождали двое пожилых мужчин. Замыкали процессию юноши.

Выйдя на берег, вожатые заметили кружащих в воздухе стервятников. Вполне возможно, что привлекая их внимание жертва была еще жива, и путники поспешили это выяснить. Раненый зверь, не представлявший интереса для четвероногих хищников, становился легкой добычей для охотников.

В первых рядах шла беременная женщина, по всей видимости относившая половину срока. Она увидела, как мужчины взглянули на то, что лежало на земле, и направились дальше. «Должно быть, это раненый хищник», — подумала женщина. Мясо плотоядных они употребляли в пищу крайне редко.

Женщина была ростом четыре с половиной фута, ширококостная, коренастая, с босыми мускулистыми изогнутыми ногами, но держалась она прямо. Руки, такие же кривые, как и ноги, казались чересчур длинными для туловища; нос выпячивался крючком, челюсть без всяких признаков подбородка выдавалась вперед. Низкий лоб плавно переходил в крупную продолговатую голову, покоившуюся на толстой короткой шее. На затылке торчал костяной нарост, из-за чего голова казалась еще длиннее.

Темные короткие, слегка завивающиеся волосы покрывали плечи и спускались по позвоночному хребту к ногам. На голове

они образовывали длинную тяжелую, довольно густую шевелюру. Тело женщины после зимы уже покрылось легким загаром. Большие круглые темные глаза, глубоко посаженные под выступающими бровями, светились умом. С неподдельным любопытством она ускорила шаг, направляясь посмотреть, мимо чего прошли их вожатые.

Женщине было около двадцати — довольно солидный возраст для первой беременности: в клане начали догадываться о ней задолго до того, как появились видимые признаки новой жизни. Однако, несмотря на свое положение, женщина несла нелегкий груз. За спиной у нее висела корзина, к которой сверху, снизу и сзади были привязаны узлы. К опоясывающему талию ремню, который держал кожаную шкуру со складками и карманами, служившими для ношения всякого рода вещей, были привешены сумки. Из них особенно примечательна была выделанная из шкуры выдры, поскольку на ней сохранились в первоизданном виде мех, лапы, хвост и голова зверька.

Помимо рубца на брюшке виднелся единственный разрез на глотке выдры, через который были выпотрошены внутренности и кости животного. Голова зверька служила для сумки крышкой, а красные сухожилия, продетые через отверстия вокруг шеи и туго стягивавшие ее, прикрепляли все приспособление к поясному ремню.

Увидев вблизи существо, привлечшее внимание мужчин-вожатых, женщина на миг оторопела и отшатнулась назад. Оно напоминало животное без шерсти. Женщина вцепилась в висящий на шее кожаный мешочек, дабы отвратить от себя неведомых духов. Нащупав внутри защитный амулет, она наклонилась, чтобы разглядеть странное создание, но приблизиться к нему не решалась, боясь, что это то самое, что ей показалось вначале.

Однако глаза ее не обманули. Стервятников приманило отнюдь не животное, а маленькое, изможденное, странного вида человеческое дитя!

Женщина огляделась вокруг: нет ли поблизости еще чего-нибудь необычного? Обошла вокруг неподвижного тела и тут услышала детский стон. Она опустилась на колени и, забыв о своих страхах, слегка встряхнула девочку. Увидев ее раздвув-

шуюся ногу и раны от страшных когтей, женщина, которая была целительницей, тотчас развязала сумку, сделанную из шкуры выдры.

Один из вожатых, заметив женщину, склонившуюся над телом девочки, развернулся и направился к ним.

— Иза! Пошли! — приказал он ей. — Здесь следы пещерного льва, к тому же надвигается ливень.

— Это же ребенок, Бран. Раненый, но живой, — проговорила она в ответ.

Бран кинул взгляд на исхудалого ребенка с высоким лбом, маленьким носом и плоским личиком.

— Она не из нашего клана, — отрезал вожак и повернулся, чтобы идти дальше.

— Бран, но она же совсем ребенок. И к тому же ранена. Если мы ее бросим, она погибнет. — Иза сделала умоляющий жест.

Бран в удивлении уставился на нее. Это был мужчина пяти футов ростом, мускулистый, сильный, с кривыми ногами и изрядно выпяченной грудью. Черты лица у него были резче, чем у женщины, — еще более крупные надбровные выступы и нос. Ноги, живот, грудь и верхняя часть спины были покрыты темными густыми волосами и скорее походили на шкуру животного, нежели на человеческую кожу. Челюсть, начисто лишенная подбородка, скрывалась под пышной черной бородой. На мужчине была такая же шкура, что и на женщине, но короче, с меньшим числом отделений и карманов и закреплялась несколько иначе.

На себе он ничего не нес, если не считать оружия и висевшего за спиной мехового платка, который был привязан к голове широкой кожаной лентой. На правом бедре у него красовалась черная татуировка в виде расширенной сверху буквы U, знака его тотема Зубра. Не нужно было никаких знаков и украшений, чтобы определить в нем вождя. Отсутствие поклажи говорило о его особом положении в клане.

Он снял со спины длинную дубинку, сделанную из кости передней ноги лошади, и, поддерживая ее бедром, поставил на землю. Иза знала, что он обдумывает ее слова, и, пытаясь скрыть волнение, молча ожидала его решения. Он спустил с плеча тяжелое деревянное копьё с острым, закаленным огнем наконеч-

ником и поправил висевшую на шее рядом с амулетом болу. Вслед за этим выдернул мягкий ремешок из оленьей кожи с заостренными концами и выпуклостью посередине. Потирая его в руке, Бран стал размышлять.

Не в его правилах было принимать скорые решения, когда дело касалось всего клана, и тем более сейчас, когда они остались без крова. Проще всего было отказать Изе, но он не поддался этому искушению. Ведь ей хотелось помочь ребенку, подчас она применяла целительную магию даже к животным, особенно к маленьким. «Если не позволить ей сделать это сейчас, она будет очень огорчена, — рассуждал Бран, — и не важно, кто перед ней — свой или чужой, она видит перед собой только раненое дитя. Верно, именно это и делает ее хорошей врачевательницей.

С другой стороны, как бы там ни было, она всего лишь женщина. Мало ли что она будет огорчена. Она неглупа и будет держать свои чувства при себе. Только раненого ребенка нам сейчас и не хватает! Беда в том, что об этом узнает тотем, а также духи. Как бы доставленное ей огорчение не разгневало их! Если мы найдем новую пещеру... нет, когда мы найдем новую пещеру, Изе предстоит готовить напиток для пещерного обряда. Вдруг из-за своего расстройствa она что-то напутает? Разгневанные духи нам все испортят, а они и так чересчур разъярены. Нет, этого допустить нельзя.

Пусть берет ребенка, лишний груз все равно ее скоро утомит, а девчужка уже еле дышит, вряд ли ее спасет даже магия».

Вставив ремешок пращи обратно за пояс и подняв оружие, Бран уклончиво пожал плечами. Решать, как поступить с ребенком, он предоставил Изе. Сам же повернулся и пошел прочь.

Иза достала из корзинки кожаную накидку, завернула в нее девочку и с помощью эластичного ремня привязала к себе. Мальшка оказалась на удивление легкой. Когда ее подняли, она застонала, и Иза ободряюще похлопала девочку по спинке, после чего пустилась догонять мужчин.

Увидев, что Иза о чем-то говорит с Браном, остальные женщины остановились поодаль. Когда же целительница подняла что-то с земли и привязала к себе, их любопытство возросло и они, сопровождая гортанные звуки бурной жестикуляцией,

принялись строить догадки. За исключением сумки из выдры, одежда женщин походила на ту, что была у Изы. Все они несли утварь клана, которую удалось спасти после землетрясения.

Две женщины из семи в кожаных незатейливых люльках, привязанных к телу, несли детей. Почувствовав влагу, одна из них вытащила голого ребенка и подержала перед собой, пока тот до конца не опорожнился. В пути они не раз меняли детям пеленки. Для впитывания влаги обычно применяли шерсть дикой козы, собранную с тернистых кустов, где любили укрываться муфлоны, птичье оперение или пух волокнистых растений. Но в дороге проще и лучше было держать детей голыми и время от времени давать им справлять нужду прямо на землю.

Стоило второй женщине вытащить маленького мальчика из люльки, как тот заверещал, требуя спустить его на землю. Зная, что ребенок скоро устанет, мать позволила ему немного побегать. Девочка чуть постарше его, что шла второй после Изы и несла на себе не меньший груз, чем все остальные, то и дело оборачивалась назад и бросала взгляды на юношу, уже почти мужчину, шедшего в конце колонны. Он старался держаться от женщин на расстоянии, присоединяясь к трем завершавшим процессию охотникам. Как бы ему хотелось нести какую-нибудь дичь, вроде того большого, убитого из пращи зайца, что висел за плечом одного из пожилых мужчин!

Однако не только охотники кормили клан. Едва ли не больший вклад в пропитание племени вносили женщины, к тому же добытая ими пища была более доступной. Пользуясь случаем, они собирали по дороге все, что попадалось: цветы, бутоны и молодые корешки лилий, недавно пробившийся у водоемов рогоз, который без труда вырывался с корнем.

Если бы не нужно было двигаться дальше, женщины старались бы заметить эти места и летом вернуться сюда, чтобы собрать с рогоза созревшие початки. Смешивая его желтую пыльцу с крахмалистым порошком, полученным из кореньев, они готовили пресные лепешки. Из высушенного початка получали пух, а из стеблей плели корзины.

Молодые побеги и листочки клевера, люцерны, одуванчика, предварительно ободранный от колючек чертополох, ранние ягоды и фрукты — все шло в ход. Ловкие женские руки беспре-

станно что-то раскапывали заостренными палками. Порой с их помощью переворачивали стволы упавших деревьев, чтобы выудить оттуда тритончика или толстую аппетитную гусеницу. В речках ловили моллюсков, из земли добывали различные луковицы, клубни, корни. Собирали сухостой и навоз травоядных животных.

В одежде и корзинах женщин для всего этого находился уголок. Крупные листья, такие как лопух, использовали и для обертывания, и в пищу. Хотя летний сбор считался более урожайным, весной тоже можно было сделать изрядные запасы, главное — знать, где искать.

Когда процессия вновь тронулась в путь, пожилой человек, лет тридцати с лишним, прихрамывая, подошел к Изе. Кроме длинного посоха, на который он опирался при ходьбе, у него не было ни оружия, ни другого груза. Его покалеченная правая нога была короче левой, между тем ему удавалось передвигаться на редкость быстро.

От правой руки у него осталась лишь чахлая культя. Несмотря на увечья правой половины тела, левая у него была нормально развита, и потому он выглядел кривобоким. Из-за непомерно крупной головы он с трудом появился на свет, оставшись калекой на всю жизнь.

Так же как и Бран, он приходился Изе родным братом, но был первенцем и, если бы не увечье, стал бы в клане вождем. На нем были мужского покроя кожаное одеяние и платок из меха выдры, как у других мужчин, который одновременно служил подстилкой для сна. На пояском ремне у него крепилось несколько сумок, а из-под накидки на спине вроде тех, что были у женщин, выпирал какой-то крупный предмет.

Левая сторона лица калеки была испещрена шрамами, левого глаза не было, зато правый смотрел на мир остро. Несмотря на хромоту, походка его отличалась грацией, исходящей из уверенности в своем положении в клане. Это был Мог-ур, величайший шаман, самый могущественный и уважаемый человек во всех кланах. Он глубоко верил в то, что ущербное тело ему дано, чтобы стать посредником между миром людей и миром духов, а не затем, чтобы возглавить Пещерный клан. В некотором

смысле могущества у него было больше, чем у вождя, и он знал это. Имя, данное ему при рождении, помнили лишь близкие родственники.

— Креб. — Иза встретила его почтительным движением.

— Иза? — Его вопросительный жест предназначался ребенку, которого она несла.

Женщина приоткрыла накидку, и Креб увидел маленькое воспаленное личико. Взглянул на распухшую детскую ножку, гноящуюся рану, после чего перевел взгляд на целительницу, в глазах которой прочел нечто важное. Девочка издала стон, и Креб, смягчившись, кивнул в знак одобрения.

— Ладно, — отрезал он гортанным голосом, после чего сделал жест, который означал: хватит уже смертей.

От Кребана не требовалось подчинения общепринятым правилам, которые определяли каждому свое место и положение. Он мог идти с кем угодно, включая самого вождя. Мог-ур был выше и вне строгой иерархии клана.

Удалившись от львиных следов на достаточное расстояние, Бран остановился, чтобы осмотреть ландшафт. За рекой, насколько хватало глаз, простирались обширные степи; вдалеке холмы уступали место травянистой равнине. Редкие, изуродованные ветром деревья лишь усугубляли размеры бескрайней пустоши.

Впереди на горизонте вздымались клубы пыли, поднятые не иначе как огромным стадом животных, и Брана так и подмывало дать охотникам знак пуститься за ним вдогонку. Позади вождя за невысокими лиственными деревьями виднелись верхушки высоких сосен, казавшихся довольно маленькими на фоне безбрежной равнины.

Со стороны реки степи резко прерывались отвесным берегом, который впереди забирал в сторону от течения. Скалистая стена упиралась в подножие величественных гор, вершины которых были покрыты льдом. Под лучами заходящего солнца он сверкал розовыми, красными, сиреневыми и лиловыми тонами, словно драгоценные камни на короне небесного светила. Это зрелище заворожило даже практичного Брана.

Свернув в сторону от реки, он повел клан к горам, где скорее можно было отыскать пещеру. Люди нуждались в жилище, но

еще больше оно требовалось их духам-защитникам, если, конечно, те не покинули их. Духи были разгневаны, и доказательством тому служило землетрясение, унесшее жизни шестерых человек. Если племя не найдет надежного места, на смену духам-защитникам придут злые и принесут с собой болезни и несчастья. Что вызвало гнев духов, не знал никто, даже сам Могур, хотя он, исправно проводя вечерние ритуалы, старался задобрить их и вселить спокойствие в соплеменников. Волнение овладело всеми, но более всего Браном.

Он ни на минуту не забывал о своей ответственности перед кланом. Духи с их непостижимыми желаниями всегда ставили его в тупик. Куда увереннее он ощущал себя в реальном мире — во время охоты или в роли провожатого. Ни одна из пещер, попадавшихся им на пути, не отвечала необходимым требованиям, и это приводило его в еще большее негодование. К тому же им приходилось тратить прекрасные теплые дни на поиски жилища, вместо того чтобы делать запасы на зиму. Конечно, они могли на время поселиться и в менее подходящей пещере. Но Бран все же надеялся, что до этого не дойдет.

Они шли вдоль гор, когда стали сгущаться сумерки. Вскоре племя достигло водопада, в брызгах которого радугой переливались солнечные лучи, и Бран объявил привал. Утомленные долгой дорогой женщины, сняв с себя груз, разбрелись в поисках сухостоя.

Расстелив меховую накидку, Иза положила на нее девочку, а сама поспешила за женщинами. Состояние ребенка вызывало у нее опасения. Девочка по-прежнему была без сознания, дышала поверхностно и все реже стонала. Собирая хворост, Иза не переставала думать о том, как помочь бедняжке, между делом поглядывая на травы. Не важно, целебные они были или питательные, знала их Иза или нет — хотя мало что было ей неизвестно, — любое растение имело для Изы свою собственную ценность.

Увидев длинные стебли начавших распускаться ирисов, Иза недолго думая выкопала их с корнем. Вьющийся вокруг дерева хмель навел ее на неплохую мысль, но, поскольку конусообразные плоды еще не созрели, она решила воспользоваться имев-

шимся у нее сухим порошком. Затем целительница отломил кусок ольховой коры и понюхала. Запах оказался сильным, и Иза, кивнув сама себе, тоже отправила ее в карман. На обратном пути она в придачу ко всему прихватила пригоршню листочков клевера.

Когда поленья были сложены для костра, Грод, возглавлявший процессию вместе с Браном, достал завернутый в мох тлеющий уголь и набил им бычий рог. Они умели добывать огонь, но в незнакомой местности проще было разводить костер с помощью углей, нежели всякий раз искать подходящий для этой цели кусок дерева.

Грод тщательно хранил огонь во время всего похода. Каждый новый костер разводился с помощью головешек предыдущего. Необходимо было донести огонь их прежнего жилища до новой пещеры.

Беречь огонь доверялось только мужчине высокого положения. Если бы угли погасли, это означало бы, что духи-защитники их покинули, и Грод, второй человек в клане, спустился бы до самого низшего положения, но уничтожение его не волновало. Он был человеком высокой ответственности и величайшей честности.

Пока Грод аккуратно складывал угли на сухостой и раздувал пламя, женщины выполняли свои обязанности. Они ловко содрали шкуру с дичи — эти приемы передавались из поколения в поколение — и, проткнув тушку острыми зелеными палочками, подвесили над костром на вертеле. Сильное пламя подсушило мясо, не давая вытечь соку, и, когда огонь почти угас, оно со всех сторон покрылось румяной корочкой.

С помощью тех же зеленых палочек и ножей женщины чистили и резали клубни и коренья. В туго сплетенные водонепроницаемые корзины и деревянные чаши с водой бросали горячие камни. Когда те остывали, их вытаскивали и нагревали еще раз в костре, а вместо них кидали другие, уже накалившиеся. Так кипятили воду и варили овощи. Жирные гусеницы сушились до хрустящей корочки, маленькие ящерицы жарились целиком, пока из-под их грубой шкурки, почерневшей и потрескавшейся, не показывалось аппетитное мясо.